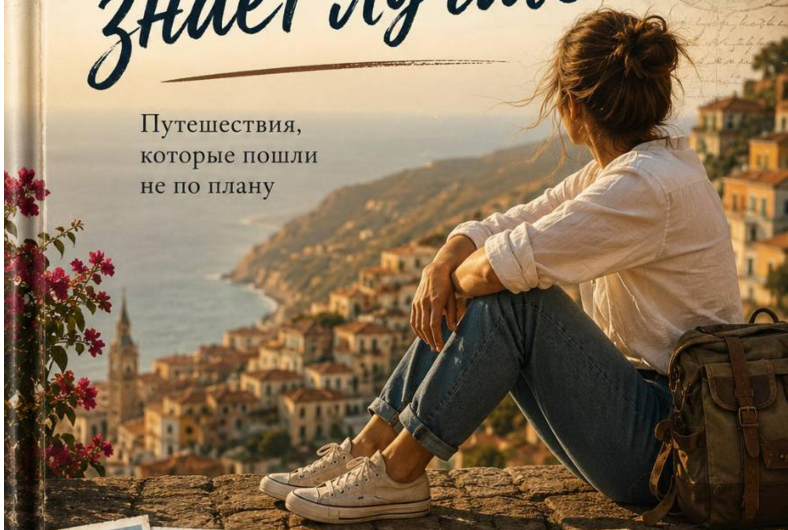

«Лошадь, в отличие от нас,
знает дорогу».

Дорога знает лучше

Путешествия,
которые пошли
не по плану

Лица Чебурашкина

Ли́ка Чебурашки́на

Дорога знает лучше

<https://litres.ru/74191153>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ли́ка Чебурашки́на отправляется в путешествия с продуманным планом, но каждый раз получает вместо него историю. Потерянный паспорт, японец в чужой постели, шляпка над пропастью, пагода, которая «только что закрылась», и коза на крыше автобуса. Это живая, ироничная и тёплая книга о дорогах, людях и случайностях, которые встречаются на любом маршруте.

Ли́ка Чебурашкина

Дорога знает лучше

ДОРОГА ЗНАЕТ ЛУЧШЕ

Путешествия, которые пошли не по плану

ЛИКА ЧЕБУРАШКИНА

Все имена и второстепенные детали изменены.

«Я строю маршрут.

Дорога строит сюжет».

«Лошадь, в отличие от нас,

знает дорогу».

— из путевого дневника

СОДЕРЖАНИЕ

От автора

Пролог. Чёрная вода

Часть первая. Маршрут дал трещину

1. Тангейзер, Тристан и японец в моей постели

2. Эксклюзивная ванная

3. Кошелёк, паспорт и сила слабых связей

Интерлюдия. Милан начинается с билета

4. Вена на два билета и одну корону

Часть вторая. Ветер, камень и чужие правила

5. Шляпка над пропастью

6. В ресторан после вулкана не пускают

7. Крит: Гарри, козы и царь Минос

Интерлюдия. Как обнять кактус

8. Кинерет, монах и краб под водопадом

9. Любовь с седьмого класса

10. Бежать сквозь Иерусалим

Часть третья. Северный градус

11. Корабль, который я заслонила

Интерлюдия. Фика, или «пойдём фикаться»

12. Меч весом тридцать килограммов

Интерлюдия. Скандинавский чемодан

13. Купание среди льдов

Интерлюдия. Экзамен для Санта-Клауса

14. Мамино северное сияние

15. Паб, Uber и финская география

Часть четвёртая. Святое умеет торговаться

16. Река, которая течёт в обе стороны

17. Сторис с задержкой в восемьсот лет

18. Рынок, джекфрут и семейная история Вьетнама

Интерлюдия. Пудели, месса и яичный кофе

19. Самогонный аппарат между кофемашиной и паровым

двигателем

20. Пагода, которая только что закрылась

Интерлюдия. Одно английское слово

21. Автобус с табуретками и коза на крыше

Часть пятая. Люди, ради которых стоило ехать

22. Дубай: маникюр между двумя мирами

23. Япония: капсула, рисовые хлебцы и украинский салат

24. Прага, которую сначала увидел папа

25. Школа, до которой идут час

26. Пятьдесят две страны в восемьдесят семь

После дороги. Дорога знает лучше

ОТ АВТОРА

• • •

По профессии я ищу закономерности в медицинских данных. Смотрю на таблицы, проверяю гипотезы, отделяю сигнал от шума и стараюсь не принимать случайность за закон природы. В путешествиях я люблю случайности.

Неизвестный японец уснул в моей кровати в Мюнхене. Португальская хозяйка продаёт одну и ту же «эксклюзивную» ванную двум комнатам. На Сицилии шляпка летит к пропасти, а двое мужчин решают, что пять евро, достаточная причина рискнуть жизнью. В Лапландии мне предлагают прыгнуть в чёрную воду между льдинами. Во Вьетнаме пагода закрывается ровно за минуту до моего прихода, но буддийское сострадание за небольшое пожертвование оказывается сильнее расписания.

Я строю маршрут тщательно. Сравниваю жильё, читаю отзывы, проверяю транспорт, считаю пересадки. Хороший план нужен хотя бы затем, чтобы понимать, в какой именно

момент всё пошло не по нему.

Эта книга не путеводитель и не список стран. Здесь нет обещания показать настоящую Японию, Камбоджу, Португалию или Гватемалу. Мир слишком велик, чтобы поместиться в одного путешественника. Я могу показать только встречу: человека за стойкой, женщину с веретеном, ребёнка в тёмном классе, монаха у закрытых ворот, пожилую путешественницу, которая в восемьдесят семь лет продолжает считать не возраст, а страны, где она еще собирается побывать.

Я оставила в книге неловкость, ошибки и моменты, когда позднее увидела собственную запись иначе. Дорога интересна не только тем, что показывает чужой мир. Она оставляет зеркало. Иногда в нём обнаруживаешь любопытного человека. Иногда самоуверенного туриста, слишком быстро придумавшего объяснение. И тогда приходится переписывать не только текст, но и себя.

Имена и второстепенные детали изменены. Сцены собраны из дневников и путевых публикаций разных лет. Там, где память не сохранила подробность, я не стала заполнять пустоту красивой выдумкой.

Потому что дорога и без того умеет сочинять лучше меня.

ПРОЛОГ

ЧЁРНАЯ ВОДА

• • •

Лёд ломался под кораблём с таким звуком, будто под нами рушился дом.

Белая равнина тянулась до края зрения. Ветер шёл по ней без препятствий, набирал силу и бил в лицо. Из трубы тянуло дизелем. За кормой оставался чёрный след как узкая рана в замёрзшем море, которую ледяные поля медленно пытались стянуть обратно.

На палубе нам выдали спасательные костюмы.

Они были яркими, тяжёлыми и делали человека похожим на красный поплавок. Руки терялись в толстых рукавах, ноги двигались с запозданием. Костюм обещал держать на воде. Воображение обещало обратное.

Внизу между льдинами темнела прорубь.

До этого день был похож на экскурсию в приключенческий роман. Мы слушали скрежет корпуса, ездили по льду на санках, фотографировались, смеялись. На ледоколе работали испанцы, мексиканцы, венесуэльцы. Они говорили, что им хорошо в Финляндии, только холодно. Это звучало как жалоба человека, добровольно поселившегося внутри морозильной камеры.

Потом настала очередь купаться.

Люди передо мной подходили к краю и исчезали в чёрной воде. Через мгновение костюм выталкивал их на поверхность. Сверху раздавались инструкции. Ветер уносил половину слов.

Я встала у края.

Разумный человек в такой момент спрашивает, зачем. Но этот вопрос следовало задавать раньше — дома, до покуп-

ки билета, до ледокола, до застёгнутой молнии на костюме. У края оставались вопросы проще: не разойдётся ли лёд, не наберётся ли вода внутрь и сумею ли я сделать шаг сама, прежде чем тело решит за меня отступить.

Вода казалась не холодной. Она казалась бездонной.

За спиной кто-то смеялся. Впереди стоял Север — равнодушный к моей биографии, профессии и списку дел. Ему было всё равно, сколько лекций я прочитала, сколько анализов провела и насколько разумным человеком считала себя утром.

Я шагнула.

Холод ударил сначала не по телу, а по воображению. Костюм принял воду снаружи и удержал её там. Меня качнуло, перевернуло на спину и вынесло между льдинами.

Надо мной стоял корабль. Вокруг лежала белая пустыня. Снег садился на красные рукава и не таял.

Несколько секунд я слышала только дыхание.

Потом снова заработал мир: люди закричали, кто-то позвал меня, у борта опустили лестницу. Но в эти несколько секунд не было ни маршрута, ни будущей фотографии, ни объяснения, зачем взрослый человек добровольно залез в про рубь.

Были чёрная вода, белый лёд и тело, которое всё ещё держалось на поверхности.

Так начинается эта книга.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МАРШРУТ ДАЛ ТРЕЩИНУ

1. ТАНГЕЙЗЕР, ТРИСТАН И ЯПОНЕЦ В МОЕЙ ПОСТЕЛИ

• • •

В моей кровати мирно спал совершенно незнакомый мне японец.

Он лежал под одеялом глубоко и уверенно, как человек, который оплатил эту кровать, эту комнату и, возможно, стоящий рядом мой чемодан. На столе светился мой компьютер. На стуле висела моя одежда. Мужчина не проявлял интереса ни к вещам, ни к вопросу, почему женская комната снабжена его телом.

Я стояла в дверях и пыталась решить, какой жанр начался у меня в час ночи: криминальный, романтический или административный.

Несколько дней назад всё выглядело гораздо спокойнее. В Мюнхене я сняла комнату на втором этаже большой виллы. По объявлению там должны были жить хозяин и другие постояльцы. На месте выяснилось, что хозяин предпочитает другой дом, а гостей пока нет. За тридцать пять евро в сутки мне достались прекрасная спальня, кухня, ванная, огромная гостиная с музыкальным центром и сад.

Я ходила по дому осторожно, как человек, случайно получивший ключи от музея после закрытия. Открывала двери, переставляла чашки, включала музыку и слушала птиц. До центра было двадцать минут на поезде. Никто не спрашивал,

когда я вернусь. Это жильё выглядело слишком хорошим, чтобы не потребовать платы в какой-нибудь другой валюте.

Комнаты назывались в честь героев Вагнера: Тангейзер, Тристан и Лоэнгрин. Мне достался Тангейзер. Названия были написаны на одинаковых деревянных дверях. Тогда это казалось изящной деталью. Позже выяснилось, что дизайнерская идея обладала сюжетообразующим потенциалом.

В тот день я ездила в Нюрнберг. Поездка разваливалась по частям. Меня накрыл приступ аллергии. Кредитная карта перестала работать. Билет на поезд превратился в задачу с неизвестными. Вечером закрыли нужную линию метро, а навигатор несколько раз бодро сообщил, что я почти у цели, хотя цель находилась в другой части города.

К вилле я подошла около часа ночи. Внутри было темно. Я поднялась по лестнице, открыла Тангейзера, включила свет — и увидела мужчину.

Несколько секунд мы существовали в разных реальностях. В его он мирно спал. В моей он проник в комнату. Потом я сказала что-то достаточно громко, и реальности столкнулись.

Мужчина открыл глаза.

Сначала он увидел меня. Потом комнату. Потом снова меня. Осознание прошло по его лицу быстрой волной. Он вскочил, запутался в одеяле и начал одновременно кланяться, извиняться и собирать вещи.

— My mistake. My big mistake!

Дальше пошли японские извинения - «сумимасэн», «гом-эн насай» и ещё несколько слов, произнесённых с такой скоростью, будто вежливость могла обратить время назад.

От неожиданности я тоже перешла на японский. Мой запас языка был невелик, но я сумела сообщить, что это моя хэя т.е. моя комната.

Для него ситуация, вероятно, стала ещё хуже. Человек ложится спать в Германии, просыпается от того, что над ним стоит русскоязычная израильтянка и по-японски объясняет основы немецкой недвижимости.

Выяснилось, что он заплатил за Тристана, но перепутал ночью и заселился в Тангейзера. Дверь, видимо, осталась незапертой. Одинаковые таблички завершили работу.

Он схватил чемодан. Его уши прошли всю цветовую гамму — от розового до тревожно-багрового. Ещё несколько поклонов, ещё одно «big mistake», и мужчина исчез за соседней дверью.

Я осталась одна.

Сначала проверила компьютер и вещи. Потом закрыла дверь. И только после этого начала смеяться — тихо, чтобы не добить человека в Тристане.

Утром мне хотелось его встретить. Сказать, что всё в порядке, что двери действительно легко перепутать и что эта история уже окупила закрытое метро, боль и неработающую карту. Но он больше не показывался. Возможно, покидал комнату, предварительно проверяя коридор так, как сапёр

проверяет минное поле.

Мюнхен постепенно стёрся в памяти: станции, фасады, улицы. Осталась тёмная вилла, одинаковые двери и мужчина, который проснулся не в той опере. Но где-то в глубине уже знаю: лучший адрес не всегда тот, где всё работает безупречно. Иногда лучший адрес тот, откуда уезжаешь с историей.

2. ЭКСКЛЮЗИВНАЯ ВАННАЯ

• • •

В Лиссабоне хозяйка комнаты торжественно сообщила, что ванная полностью моя. В соседней комнате жила японская пара. Я решила, что у них, очевидно, есть другая ванная, и три дня пользовалась своей территорией с королевским размахом.

На полке стояли мои средства. Полотенца висели там, где мне удобно. Я оставляла зубную пасту, сушила бельё и радовалась редкой для недорогого жилья роскоши.

Японские соседи иногда появлялись в коридоре, кланялись, тихо исчезали и не давали никаких поводов задуматься об устройстве сантехники. Они были настолько аккуратны, что их присутствие можно было доказать лишь по обуви у двери.

На третий день в случайном разговоре выяснилось: хозяйка обещала им ту же эксклюзивную ванную.

Я мысленно прокрутила последние дни. Они заходили туда после меня, убирали мои вещи ровно настолько, насколько

ко было нужно, пользовались душем и возвращали всё на место. Ни замечания, ни тяжёлого вздоха, ни записки. Я, не подозревая о совместном пользовании, продолжала властвовать.

С одной стороны, это было образцовое гостеприимство со стороны соседей. С другой, выдающееся предпринимательство хозяйки: продать эксклюзивность дважды и рассчитывать, что культурные различия сами уладят конфликт.

Португальское жильё вообще учило меня смирению. В помещении было холодно. Температура держалась примерно на уровне прохладного весеннего дня, только этот весенний день происходил круглосуточно и внутри комнаты. Отопления не было. Запах старых труб временами напоминал о себе убедительнее будильника.

Зато город был красив. Фаду вытекало из маленьких заливов. На набережной хотелось долго идти без цели. Фасады, плитка, лестницы, памятники мореплавателям — Лиссабон отлично понимал, как выглядеть на фотографии. В нём чувствовалось прошлое страны, которая когда-то отправляла корабли далеко за горизонт и привыкла мыслить морем.

Однажды я стояла у светофора и одновременно участвовала в рабочей видеоконференции. В наушниках обсуждали дела. Ко мне подошёл молодой человек и начал говорить о моих красивых и грустных глазах. Он явно пытался познакомиться и выглядел так стеснительно, будто выполнял домашнее задание после курса уверенности в себе.

Обычно в такой ситуации трудно отказать вежливо и быстро. На этот раз я вынула один наушник, показала экран телефона и честно сказала:

— Простите, я сейчас на работе. У меня Zoom-конференция.

Его лицо выразило всё, что человек думает о женщине, которая стоит посреди Лиссабона у светофора и одновременно присутствует на совещании в другой стране. Он извинился и исчез в толпе.

Если бы это не было правдой, такую отговорку стоило бы придумать.

Лиссабон оставил противоречивое впечатление. Красивый и неухоженный, гостеприимный и предприимчивый, музыкальный и холодный. Но больше всего я запомнила японскую пару, которая три дня делила со мной «мою» ванную и ни разу не дала понять, что знает о мошенничестве больше меня.

Иногда лучший урок межкультурной коммуникации проходит без единого разговора. Особенно если речь идёт о полотенцах.

3. КОШЕЛЁК, ПАСПОРТ И СИЛА СЛАБЫХ СВЯЗЕЙ

• • •

Паспорт исчез не сразу.

Сначала исчез кошелёк. Потом прошло три дня, в течение которых его хозяйка платила телефоном, переезжала из го-

рода в город и не замечала потери. И только в Сиракузах, когда понадобилось то, что не помещалось в электронный кошелёк, выяснилось: вместе с деньгами пропал документ, без которого остров внезапно становился гораздо больше.

Мы познакомились недавно, в Таормине. За несколько дней до этого покупали апельсиновый сок, стояли в толпе, доставали телефоны и сумки. Теперь пытались восстановить маршрут кошелька, как следователи с плохой памятью.

— Может быть, там? — Или в автобусе. — Или в кафе. — А когда ты последний раз видела паспорт?

У потерянной вещи всегда быстро появляется биография, сочинённая задним числом. Каждый незнакомец становится подозрительным, каждое движение — значительным. Но доказательств не было. Был факт: женщина находилась на Сицилии без паспорта, вдали от ближайшего израильского консульства.

Я ожидала паники. Представляла звонки в страховую, спор с гостиницей, бессонную ночь и попытку объяснить работодателю, почему отпуск решил продлиться самостоятельно.

Она достала телефон.

В Неаполе жила подруга. Подруга знала людей в Сиракузах. Через несколько звонков нашёлся человек, готовый пойти с ней в полицию, помочь с языком и документами. Потом нужно было добираться до Рима. Неаполитанская подруга немедленно предложила пожить у неё, поесть, посмотреть

город, Везувий и Помпеи, а уже потом ехать в консульство.

Катастрофа в её исполнении быстро превращалась в новый маршрут.

— А работа? — спросила я.

Она пожала плечами.

— Крупная организация. Незаменимых людей не бывает. Справятся.

Мне понравилась эта фраза, хотя я не была уверена, что хочу проверять её на собственной кафедре. В дороге человек часто обнаруживает, что его незаменимость была частью внутреннего мифа. Самолёты улетают, занятия переносятся, коллеги открывают нужный файл, семья каким-то образом ест без подробной инструкции.

Пока мы обсуждали полицию, Рим и запасной план, телефон снова зазвонил.

Полиция Сиракуз связалась с полицией Таормины. Паспорт нашли. Кто-то принёс его в участок. Документ должны были переслать.

Деньги не вернулись. Кошелёк тоже. Но маленькая книжечка, от которой зависело право пересечь границу, лежала в другом городе и ждала хозяйку.

Я думала о том, что спасло эту поездку. Не кредитная карта — она исчезла. Не страховка — до неё дело не дошло. Не идеальный план — план закончился вместе с паспортом.

Сработали люди, которых социологи называют слабыми связями: подруга, знакомая подруги, полицейский в одном

городе, полицейский в другом, неизвестный человек, поднявший документ и отнёсший его не в мусор, а в участок.

Сильные связи держат нашу жизнь изнутри: семья, близкие друзья, те, кому можно позвонить ночью. Слабые связи протягивают мосты туда, где наших людей ещё нет. Через них находится работа, врач, комната, переводчик, дорога домой.

На Сицилии эта теория выглядела не как диаграмма, а как цепочка звонков через несколько городов.

Через некоторое время знакомая снова смеялась и строила планы. Потерянный паспорт успел подарить ей Неаполь, Рим и доказательство того, что мир иногда возвращает важное руками незнакомцев.

Я проверила свою сумку.

Паспорт был на месте.

После этого я проверяла его ещё много раз — уже не из недоверия к Сицилии, а из уважения к драматургии.

МИЛАН НАЧИНАЕТСЯ С БИЛЕТА

• • •

Дочки слетали в Милан на рок-концерт и вернулись счастливыми.

Мы посмотрели на них и решили, что молодое поколение не должно монополизировать Италию.

— Они сходили на концерт, — сказала я. — А мы пойдём в Ла Скала.

Когда-то такая фраза принадлежала людям из другого ми-

ра. В университете я знала девушку из обеспеченной семьи. Её родители могли слетать в Милан ради оперы. Я радовалась за неё и немного завидовала. Мне казалось, для этого надо родиться среди людей, которые обсуждают авиабилеты между первым и вторым блюдом.

Прошли годы. Мы открыли сайт театра.

Оказалось, Ла Скала — не неприступный дворец, а календарь, схема зала и кнопка оплаты. Билеты стоили по-разному, но среди них были вполне доступные. Через несколько минут у нас уже были места на спектакль. Потом появились билеты на самолёт, жильё и карта города с десятком отметок.

Милан ещё не начался, а уже вошёл в дом. Мы слушали музыку, спорили, сколько музеев способен честно выдержать человек за день, и рассматривали фотографии собора.

Мне нравится эта стадия путешествия. Ничего ещё не отменено. Не идёт дождь. Поезд не ушёл. Номер в гостинице существует именно таким, каким показан на фотографии. Город пока не успел возразить.

Но главное уже произошло: дверь, которую я много лет считала закрытой, оказалась обычной дверью.

Нужно было только разрешить себе нажать кнопку.

4. ВЕНА НА ДВА БИЛЕТА И ОДНУ КОРОНУ

• • •

Наша поездка в Вену началась в два часа ночи с известия, что билетов у нас нет.

За несколько недель до этого всё выглядело вполне ци-

визированно. Мы купили недорогие билеты, забронировали жильё и выбрали развлечения. Потом авиакомпания прислала сообщение: рейс, который должен был вылететь во второй половине дня, переносится на пять утра, будет не прямым, а через Афины, и зарегистрироваться можно только в аэропорту.

Мы приняли это как очередную особенность бюджетной авиации. В два ночи бодро приехали в аэропорт, протянули паспорта и слышали:

— Ваши билеты отменены.

— В каком смысле?

— В обычном. Но мы можем продать вам новые. На тот же рейс. В два раза дороже.

Кол-центр авиакомпании в это время спал. Наше жильё было невозвратным. Мы уже находились в аэропорту с чемоданами и тем выражением лица, которое появляется у человека, когда логика официально покидает помещение. Пришлось купить второй комплект билетов и полететь через Афины на рейсе, на который нас только что не пустили по первому комплекту.

Так Вена начала воспитывать во мне императорское смирение ещё до посадки. Монарх может изменить закон одним указом. Авиакомпания — одним письмом, которое на стойке регистрации трактуется совершенно иначе.

Сам город, к счастью, оказался щедрее перевозчика. Рядом с нашим жильём был стадион, и однажды там проходили

гонки на колесницах. В Вене лошадь легко появляется в повседневности так, будто Австро-Венгерская империя просто ненадолго вышла за кофе.

В сокровищнице мы увидели огромную агатовую чашу, которую веками принимали за Святой Грааль, и длинный «рог единорога», использовавшийся для проверки еды на яд. Средневековый монарх, судя по всему, предпочитал не лабораторный анализ, а предмет с убедительной легендой. Я подумала, что придворным явно не хватало контрольной группы и нормального А/В-тестирования.

Там же находилась корона Габсбургов. Я бы с удовольствием её примерила, но служители не разрешили. Официальная версия состояла в том, что корону нельзя трогать. Моя — в том, что она просто не подходила мне по размеру.

В церкви Святого Августина, где хранили сердца Габсбургов, мы попали на воскресную мессу. Точные движения, музыка и торжественная последовательность действий напомнили японскую чайную церемонию. Люди в разных культурах очень по-разному верят, но одинаково любят порядок, когда речь идёт о вещах, которые нельзя объяснить до конца.

Потом была Альбертина: Дюрер, Моне, Мане, Мירו, Шагал, Брейгель, Пикассо. После авиакомпании, продавшей нам один перелёт дважды, музей казался островом надёжности. Картина хотя бы не сообщала у входа, что её присутствие отменено и посмотреть её можно за дополнительную плату.

Вена получилась поездкой о власти. Власти императоров, ритуалов, музейных смотрителей и людей за стойкой регистрации. Но ещё — о нашей скромной власти не дать испорченному началу съесть весь день.

Мы заплатили лишнее, не примерили корону и всё равно увидели город. Иногда победа путешественника выглядит не как идеальный маршрут, а как способность после двух часов ночи ещё интересоваться единорогом.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВЕТЕР, КАМЕНЬ И ЧУЖИЕ ПРАВИЛА

5. ШЛЯПКА НАД ПРОПАСТЬЮ

• • •

Шляпка стоила пять евро.

Пропасть была настоящая.

Эти два факта казались мне достаточными, чтобы закончить обсуждение. Но мужчины, оказавшиеся рядом, оценивали ситуацию иначе.

Мы стояли на высокой сицилийской скале. Внизу блестяло море, ветер перебирал траву и пытался снять с туристов всё, что не было привязано. Три дамы устроили фотосессию. Мы поворачивались к свету, поправляли одежду, искали тот единственный ракурс, в котором человек выглядит безмятежно, хотя за его спиной дует так, что трудно открыть глаза.

Порыв пришёл без предупреждения.

Шляпка сорвалась с головы, взлетела над камнями и пошла вниз. На мгновение показалось, что она исчезнет в мо-

ре. Но ветер бросил её на куст, росший из склона чуть ниже площадки.

Куст висел над пустотой. Шляпка сидела на нём аккуратно, почти вызывающе.

Мы нашли палку. Потом вторую. Легли на камни, тянулись, командовали друг другу, с какой стороны подцепить поля. До шляпки не хватало каких-то полметра — тех самых полметра, которые отделяют бытовую неприятность от сообщения в новостях.

— Оставь, — сказала я хозяйке. — Купим такую же. Пять евро.

Она посмотрела вниз. Шляпка была красивая. Ветер продолжал работать над её судьбой.

В этот момент к нам подошли двое мужчин.

Они быстро поняли задачу и сразу придали ей масштаб спасательной операции. Один предложил спуститься справа. Другой заявил, что справа опасно и разумнее слева. Первый счёл левый путь самоубийством. Второй заметил, что у него лучше обувь. Они спорили не столько о шляпке, сколько о том, кому достанется право проявить мужество перед дамами.

— Она стоит пять евро, — повторила я.

Мужчины меня не услышали. Пять евро не были единицей измерения, принятой в их системе ценностей. Там использовались риск, честь и возможность потом рассказать, как ты полез к пропасти, пока остальные стояли.

Один из них не дождался окончания спора. Лёг на живот, зацепился руками за камень и начал спускаться.

В этот момент вся комедия исчезла. Мы перестали смеяться. Ветер бил его одежду о тело. Под ногами осыпалась мелкая крошка. Он двигался медленно, проверяя каждый упор. Второй мужчина держал его сверху и продолжал давать советы — теперь уже тише.

До куста оставалось несколько шагов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.